

BOŽENA ŽEJMO
UMK Toruń

ЧЕЛОВЕК «ГАРШИНСКОЙ ЗАКВАСКИ» В ТВОРЧЕСТВЕ АНТОНА ЧЕХОВА

Целью данной статьи является попытка соотнести некоторые факты из жизни Всеволода Михайловича Гаршина с судьбами героев Антона Павловича Чехова. Вне внимания останутся вопросы о литературных прототипах того или иного гаршинского героя в произведениях Чехова, а также проблема «Гаршин и Чехов как представители переходной эпохи»¹.

Чехов высоко ценил Гаршина как человека и писателя. В письме Алексею Суворину от 3 апреля 1888 г. писал: «Из писателей последнего времени для меня имеют цену только Гаршин, Короленко, Щеглов и Маслов. Все это очень хорошие и не узкие люди»². Антон Павлович сожалел о том, что ему не удалось бли-

¹ Подробнее на эту тему см. например: И.Э. Васильева, *Поиски слова в переходную эпоху: стратегия повествования В.М. Гаршина и А.П. Чехова*, [на правах рукописи], Санкт-Петербург 2007; Р. Henry, *К вопросу об импрессионизме в русской художественной прозе. В.М. Гаршин, А.П. Чехов как представители малопризнанного жанра* // М. Mikulášek (ред.), *Litteraria Humanitas. Genologické studie. II*, Masarykova univerzita, Brno 1993, с. 129–146; Г.А. Бялый, *Чехов и русский реализм. Очерки*, Советский писатель, Ленинград 1981; В.М. Головкин, *Русская реалистическая повесть: герменевтика и типология жанра*, Изд-во МГОПУ, Изд-во СГПУ, Москва–Ставрополь 1995; Д.С. Мережковский, *О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы* // того же, *Полное собрание сочинений*, т. 18, Типография Т-ва И.Д. Сытина, Москва 1914, с. 250–257.

² А.П. Чехов, *Письмо А.С. Суворину*, от 3 апреля 1888 г., Москва // того же, *Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Письма в двенадцати томах*, т. 2: *Письма 1887 – сентябрь 1888*, Наука, Москва 1975, с. 230. Далее обозначаемые как ПСС-П2. И соответственно очередные тома: т. 3: *Письма октябрь 1888 – декабрь 1889* (1976) – ПСС-П3; т. 4: *Письма январь 1890 – февраль 1892* (1976) – ПСС-П4; т. 5: *Письма март 1892–1894* (1977) – ПСС-П5. А также: А.П. Чехов, *Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах*,

же познакомиться с автором *Красного цветка*. Они встретились только один раз, вероятно 13 декабря 1887 года³. «Два раза был я у Гаршина и в оба раза не застал. Видел только одну лестницу»⁴ — писал Чехов Алексею Плещееву после смерти Гаршина. О лестнице и связанной с нею грустной ассоциации Чехов сообщил и Суворину: «Интересно, что за неделю до смерти он знал, что бросится в пролет лестницы и готовился к этому концу. Невыносимая жизнь! А лестница ужасная. Я ее видел: темная, грязная...»⁵. По утверждению Нины Гитович, автор *Чайки* пришел к такому выводу на основании письма Казимира Баранцевича от 29 марта, в котором тот упоминает о последней встрече с Гаршиным:

Недели полторы назад я встретился с ним на Невском: вид его был ужасно жалок. Он сообщил мне, что лечится у Манассеина гидропатией и собирается на Кавказ. Мы стали прощаться. Нужно сказать, что я был с ним не особенно близок, на «вы» и очень редко бывал у него. Прощаясь, он сжал мою руку и не выпускал, как-то особенно трогательно глядя на меня. Мне стало неловко. «Прощайте, прощайте», — бормотал я. «Да, прощайте», — сказал он, привлек меня в объятия и крепко поцеловал [...]. Страшно подумать, что он прощался тогда, быть может, навсегда [...]. По-видимому, ему очень не хотелось уезжать из Петербурга, и, должно быть, его тащила жена, которой предложили служить на Кавказе. И вот, в самый день отъезда, несчастный ничего лучшего не нашел, как броситься в пролет лестницы...⁶.

Когда писатели решили издать сборник, посвященный памяти Гаршина, и предложили Чехову принять участие, он охотно согласился, объясняя свое решение:

Во-первых, таких людей, как покойный Гаршин, я люблю всей душой и считаю своим долгом публично расписываться в симпатии к ним; во-вторых, Гаршин в последние дни своей жизни много занимался моей особой, чего я забыть не могу; в-третьих, отказаться от участия в сборнике значит поступить не по-товарищески, сиречь по-свински⁷.

Чехов, говоря здесь о доброжелательном отношении к нему Гаршина, намекает на ту борьбу Гаршина за правильное по-

т. 8: *Рассказы. Повести 1892–1894* (1985) — ПСС-С8; т. 13: *Пьесы 1895–1904* (1986) — ПСС-С13.

³ См. Н.И. Гитович, *Примечания* // ПСС-П2, с. 468.

⁴ А.П. Чехов, *Письмо А.Н. Плещееву*, от 31 марта 1888 г., Москва // ПСС-П2, с. 227.

⁵ А.П. Чехов, *Письмо А.С. Суворину*, от 3 апреля 1888..., с. 230.

⁶ Цит по: Н.И. Гитович, *Примечания...*, с. 469.

⁷ А.П. Чехов, *Письмо А.Н. Плещееву*, от 15 сентября 1888 г., Москва // ПСС-П2, с. 331.

нимание Чехова-писателя, которую пришлось вести Всеволоду Михайловичу со многими современниками. На одной из вечеринок художника Николая Ярошенко у Гаршина произошла стычка с Николаем Михайловским. Тот последний не разделял восторгов по поводу только что появившейся в печати *Стени* (1888), и Гаршин обратился к нему со словами: «Вот вы, Николай Константинович, возлагали на меня большие надежды. Я их не оправдал, и все же могу спокойно умереть, так как их вполне оправдывает другой — Антон Чехов»⁸. Присутствовавшая в тот вечер при разговоре Стефания Караскевич вспоминала:

Это было весной 1888 года. В ту субботу, еще раздеваясь в передней, я услышала взволнованный голос Всеволода Михайловича. Он стоял посреди мастерской с книгой в руках и говорил громко, жестикулируя и наступая на собеседника. — Вы говорите, что палец или прядь волос, даже гениально зарисованная, не может назваться картиной, и день, выхваченный из жизни десятилетнего ребенка, не может дать содержание литературному произведению. А я вам говорю, что к *Стени* нельзя и не надо прибавлять ничего, это не отрывок, — это прекраснейшее, законченнейшее произведение, какого мы с вами давно не читали. В России есть новый гениальный писатель⁹.

О восхитительном восприятии Гаршиным чеховской *Стени* также упоминал Илья Репин:

[...] у какого-то художника [у Михаила Малышева — К.Ч.] мы частенько встречались со Всеволодом Михайловичем. Там он читал нам вслух только что появившуюся тогда, я сказал бы, «сюиту» Чехова *Стень*. Чехов был еще совсем неизвестное, новое явление в литературе. Большинство слушателей — и я в том числе — нападали на Чехова и на его новую тогда манеру писать «бессюжетные» и «бессодержательные» вещи... Тогда еще тургеневскими канонами жили наши литераторы.

— Что это: ни цельности, ни идеи во всем этом! — говорили мы, критикуя Чехова.

Гаршин со слезами в своем симпатичном голосе отстаивал красоты Чехова, говорил, что таких перлов языка, жизни, непосредственности еще не было в русской литературе. Надо было видеть, как он восхищался техникой, красотой и особенно поэзией восходящего тогда нового светила русской литературы. Как он смаковал и перечитывал все чеховские коротенькие рассказы!¹⁰

⁸ Ф.Ф. Фидлер, *Всеволод Михайлович Гаршин // Современники о В.М. Гаршине*, вст. ст., подг. текста и примеч. Г.Ф. Самосюк, Издательство Саратовского университета, Саратов 1977, с. 143.

⁹ С. Караскевич, *Семья Ярошенко*, «Русские записки» 1915, № 10, с. 24.

¹⁰ И.Е. Репин, *В.М. Гаршин // того же, Далекое близкое*, ред. и вст. ст. К. Чуковский, Искусство, Москва 1964, с. 362.

Гаршин, после опубликования *Степи*, восторженно приветствовал рождение нового «явления» в русской литературе. Плещеев в письме к Чехову от 10 марта 1888 г. рассказывал о впечатлении, какое произвела *Степь* на Гаршина: «Гаршин от нее без ума. Два раза подряд прочел. В одном доме заставили меня вслух прочесть эпизод, где рассказывает историю своей женитьбы мужик, влюбленный в жену»¹¹. Отзыв Гаршина о *Степи* записал также близкий друг писателя Виктор Фаусек: «Я пришел сообщить тебе замечательную новость [...] в России появился новый первоклассный писатель»¹². По словам Фаусека Гаршин:

познакомился с рассказами г-на Чехова с тех пор, как они стали появляться в «Новом времени», и высоко оценил его талант. *Степь* он прочитал накануне, и она произвела на него чрезвычайное впечатление. На него, любителя и поклонника русского юга, пахнуло широким дыханием летней степной природы и он пришел в болезненный восторг¹³. [...] Чехов как будто воскресил его: «у меня точно нарыв прорвался», — говорил он, «и я чувствую себя хорошо, как давно не чувствовал»¹⁴.

О судьбе главного героя *Степи* Егорушке сам Чехов написал: «В своей *Степи* через все восемь глав я провожу девятилетнего мальчика, который, попав в будущем в Питер или в Москву, кончит непременно плохим»¹⁵. Эти слова вполне вероятно можно соотнести с судьбой Всеволода — мальчика, которого из-за разлада родителей возили из Старобельска в Харьков, из Харькова в Одессу, «на почтовых, зимою, осенью, летом...»¹⁶. Как признавался потом сам Гаршин, некоторые сцены из детства оставили в нем «неизгладимое воспоминание», определенные «следы на характере»¹⁷. Видимо, от этих болезненных опытов, как

¹¹ Письма Плещеева к Чехову, статья и публ. Л.С. Пустильник, «Литературное наследство» 1960, т. 68, с. 312.

¹² В.А. Фаусек, *Памяти Всеволода Михайловича Гаршина // Памяти В.М. Гаршина. Художественно-литературный сборник*, Типография и Фототипия В.И. Штейн, Санкт-Петербург 1889, с. 119–120.

¹³ О своем восхищении природой русской степи писал Гаршин под влиянием передвижных выставок: «Степь Куинджи — просто чудо что такое. Впрочем, те, кто не видел наших степей, ничего не могут понять в этой картине. Море травы, цветов и света!». В.М. Гаршин, *Письма*, Академия, Москва 1934, с. 36.

¹⁴ В.А. Фаусек, *Памяти Всеволода Михайловича Гаршина...*, с. 120.

¹⁵ А.П. Чехов, *Письмо Д.В. Григоровичу*, от 5 февраля 1888 г., Москва // ПСС-П2, с. 190.

¹⁶ В.М. Гаршин, *Автобиография // того же, Письма...*, с. 12.

¹⁷ Там же.

предполагал писатель, возникло «печальное выражение» его физиономии¹⁸. «И если в русском языке слово ‘печаль’ созвучно слову ‘печать’, то эта печаль-печать» — замечает Майя Шейкина — «была и на Егорушке, герое *Степи*, и на благодарном читателе чеховской повести — Всеволоде Гаршине. Печать сиротства, одиночества»¹⁹.

Такую же самую печаль-печать можно обнаружить на герое *Чайки* (1896) Треплева, который тоже «кончил плохим». Героя, «создателя мистерии о мировой душе», часто называли модным тогда — в значимой части благодаря развитию патографии²⁰ — словом «неврастеник»²¹, что звучало не только как диагноз, но прежде всего как приговор. В этом контексте неоднократно вспоминалась трагическая фигура Всеволода Гаршина, приговоренного, по его собственным словам, к неизбежной гибели²². «Психопатологических» героев Чехова (также Александра Куприна, Леонида Андреева) отличающихся разочарованием, недовольством, усталостью и угнетением чаще всего называли Гаршинским типом, жертвой пессимизма²³.

На каком основании можно говорить о сходстве судеб вымышленного персонажа — Константина Треплева и реального чело-

¹⁸ Там же.

¹⁹ М.А. Шейкина, *Чехов и Гаршин. «Смерть героя»* // Р. Henry, V. Porudominsky, M. Girshman (ред.), *Vsevolod Garshin at the turn of the century*, vol. II, Northgate Press, Oxford 1999, с. 50.

²⁰ Ср. Н. Сироткина, *Классики и психиатры. Психиатрия в российской культуре конца XIX — начала XX века*, Новое литературное обозрение, Москва 2008.

²¹ Герой рассказа *По делам службы* страховой агент Лесницкий тоже неврастеник, покончивший с собой.

²² Неслучайно Гаршин повторял свое любимое Лермонтовское стихотворение: «Не смейся над моей пророческой тоской, я знал: удар судьбы меня не обойдет». Цит. за: В.А. Фаусек, *Памяти Всеволода Михайловича Гаршина...*, с. 59.

²³ Размышляя над прототипом Треплева можно обнаружить незримую нить, что и сделала Шейкина. Она обратила внимание, что за год до премьеры *Чайки* Карл Т.К. Мейергольд «перешел в православие и принял имя Всеволода, в честь любимого писателя Всеволода Гаршина. [...] через три года» двадцатипятилетний «Всеволод Мейергольд играл на сцене только что открывшегося Художественного театра двадцатипятилетнего Константина Треплева. Это был его герой, как он сам признавался, его ‘второе я’». [...] от Гаршина к Треплеву протягивалась таким образом» новая нить, «оба писателя соединились в сознании современника». М. Шейкина, *Чехов и Гаршин...*, с. 52.

века — Всеволода Гаршина? Вставал ли за этим сходством один и тот же человеческий или художественный тип? Или, быть может — «слух к глубинным токам жизни, острое ощущение пульсации русской действительности конца XIX века?»²⁴. Именно здесь полезно выявить параллели их судеб. Трагическую роль в жизни обоих сыграло отсутствие семейного уюта и тепла в детстве, эмоциональная холодность матери. Тяготение к материнской любви навсегда осталось в их болезненных душах. На протяжении многих лет Гаршин писал сердечные письма матери, в которых ласково называл ее матушкой. Треплев горячо желает напомнить матери о его детстве, пытается доставить ей удовольствие. Одновременно его душа пропитана болью и претензиями к матери за ее эгоизм. Во время одного из бурных разговоров Константин отвечает Аркадиной словами из *Гамлета*: «И для чего ж ты поддавалась пороку, любви искала в бездне преступления?»²⁵. Аркадина больше любила искусство и артистов, чем Константина. Всю свою жизненную энергию, эмоции и внимание сосредоточила на богеме, посещающей ее дом почти ежедневно. Для сына не хватило уже внимания. В доме Гаршина царила похожая атмосфера, Екатерина Степановна, как типичная *шестидесятница*

много читала, хорошо знала русскую литературу, писала интересные письма, могла переводить с французского, шить на машинке и делать всякое домашнее дело; но главная ее отрада была говорить, рассказывать кому-либо о прочитанном, о литераторах, о своих знакомых, о каких-нибудь житейских курьезах. У ней каждый день гости и неумолкаемые литературно-житейские разговоры и вместе с тем какой-то нервный гнет, так что никому из гостей не приходит охоты весело, от души рассмеяться²⁶.

Всеволод был благодарен матери за интеллектуальное воспитание, однако до конца своей жизни не забыл, что бросила его в детстве ради любовника-революционера. Отречение материнства как единственной настоящей любви — это в глазах ребенка предательство, даже преступление. Ни Константин, ни Всеволод не смогли найти оправдания для такого поступка.

Есть в *Чайке* характерная сцена ссоры Аркадиной с сыном о настоящих талантах, женщина отрицает новаторство его творчества и в запальчивости кричит ему обидные слова:

²⁴ Там же.

²⁵ А.П. Чехов, *Чайка* // ПСС-С13, с. 12.

²⁶ В.П. Соколов, *Гаршины*, «Исторический вестник» 1916, т. СXLIV, с. 131.

«Оставь меня! Ты и жалкого водевиля написать не в состоянии. Киевский мещанин! Приживал»²⁷. Приживалом ощущал себя и Гаршин²⁸, который, подобно Треплеву, жил в имении дяди, откуда писал матери: «Дядя бы не прогнал, положим, да ведь нельзя оставаться вечным приживальщиком»²⁹. Константин, как и Всеволод, провел в имении дяди два года (от 25 до 27 лет). Как Всеволод, так и Константин, подвели грустный итог этому этапу жизни. Первый писал: «Сегодня мне 27 лет. Господи, куда время, да не только время, куда молодость ушла»³⁰. Треплев жалуется Нине: «Молодость мою вдруг как оторвало, и мне кажется, что я уже прожил на свете девяносто лет»³¹. Просто невозможно подумать, будто эти ощущения были случайными.

Можно обнаружить очень интересные идейные сходства между способами разыгрывания как Гаршиным, так и Чеховым некоторых мотивов. Ум и воображение Треплева, как и Гаршина, заняты мыслью о жизни и человеческих страданиях. А думать было о чем, как написал Чехов: «Русская жизнь бьет русского человека так, что мокрого места не остается, бьет на манер тысячепудового камня»³². Героем *Чайки* Чехов сделал писателя, теряющего веру в смысл творчества. В письмах Гаршина последнего периода многократно повторяются пропитанные сомнениями слова типа: «Нет, я не не хочу писать, а не могу, не умею, мыслей у меня в голове нет»³³.

Треплев сочиняет пьесу о мировой душе, с которой он отождествляет себя. Герой страдает от имени всего человечества: «Общая мировая душа — это я... я... [...] Во мне сознания людей слились с инстинктами животных, и я помню все, все, и каждую жизнь в себе самой я переживаю вновь»³⁴. Вспомним, что у Гар-

²⁷ А.П. Чехов, *Чайка...*, с. 40.

²⁸ На эту параллель впервые обратила внимание Шейкина, *Чехов и Гаршин...*, с. 53.

²⁹ В.М. Гаршин, *Письмо Е.С. Гаршиной*, от 20 марта 1882 г., Ефимовка // того же, *Письма...*, с. 253.

³⁰ В.М. Гаршин, *Письмо Е.М. Гаршину*, от 2 февраля 1882 г., Ефимовка // там же, с. 242.

³¹ А.П. Чехов, *Чайка...*, с. 57.

³² А.П. Чехов, *Письмо Д.В. Григоровичу...*, с. 190.

³³ В.М. Гаршин, *Письмо Е.С. Гаршиной*, от 11 марта 1882 г., Ефимовка // того же, *Письма...*, с. 252.

³⁴ А.П. Чехов, *Чайка...*, с. 58.

шина красный цветок символизирует «всю невинно пролитую кровь», «все слезы», «всю желчь человечества»³⁵. Оба писателя заявляют космический масштаб чувств героев. В душе Треплева проживают «души Александра Великого, и Цезаря, и Шекспира, и Наполеона», тем временем Гаршинский герой выступает в ролях Петра Великого, святого Георгия и, хотя посредственно, персидского Ормузда — бога света и добра. Титанические предприятия обретают в сознании страдальцев конкретные черты: красный цветок представляется больному мозгу ужасным божеством тьмы — Ариманом. В христианстве это божество зла часто отождествляется с сатаной. Неслучайно под красными огнями Треплев подразумевал глаза дьявола. Экспрессивная символика красного цвета знаменует таинственного врага, воплотившего в себе хаос и зло. Красный проповедует пролитую кровь и тем самым смерть, «в красный цвет окрашены мировые катаклизмы»³⁶. Гаршинского больного мучит ощущение грядущего катаклизма: «Скоро, скоро распадутся железные решетки, все эти заточенные выйдут отсюда и помчатся во все концы земли, и весь мир содрогнется». Из-за совершившегося уже мирового катаклизма страдает Треплев: «Тела живых существ исчезли в прахе, и вечная материя обратила их в камни, в воду, в облака»³⁷. Кажется, что трагедия создателей высокопарных идеалов заключается в том, что «воплощая мир своих видений, они неумолимо подтачивают те душевные опоры, что помогали им преодолевать дисгармонию мира»³⁸. Единственным способом преодоления этой дисгармонии оказалось растворение в ней, уход во тьму небытия. Треплев стреляет себе в голову, Гаршин бросается в пролет лестницы.

Чехов, как он и обещал в письме к Плещееву, «публично расписался» в симпатии к Гаршину. В рассказе *Припадок* (1888) вывел близкого ему по душевным качествам героя — «человека Гаршинской закваски», которого так характеризовал: «недюжинный, честный и глубоко чуткий, попадает первый раз в жизни в дом терпимости»³⁹. Автор *Чайки* считал, что сказал «свое

³⁵ В.М. Гаршин, *Красный цветок* // того же, *Сочинения*, Советская Россия, Москва 1984, с. 201.

³⁶ А. Лагынина, *Всеволод Гаршин. Творчество и судьба*, Художественная литература, Москва 1986, с. 160.

³⁷ А.П. Чехов, *Чайка...*, с. 59.

³⁸ М.А. Шейкина, *Чехов и Гаршин...*, с. 54.

³⁹ А.П. Чехов, *Письмо А.Н. Плещееву*, от 15 сентября 1888..., Москва, с. 331.

слово о таких редких людях, как Гаршин»⁴⁰, описал их «душевную боль»⁴¹. Далеко не случайно, что для изображения душевной боли Чехов выбрал тему посещения публичного дома. Для Гаршина (как и для многих его современников) проституция воплощала страшнейшее социальное зло. Чтобы «перечувствовать» проблему, Всеволод Михайлович посетил одно из Variété на Фонтанке, где 3 часа беседовал с „плачущей душой”⁴², а уходя печально промолвил: «Какой подлый этот мир!... Одни страдания, повсюду и во всех»⁴³. Известен еще другой эпизод, когда Гаршин вступился «за девушку, на его глазах подвергнувшуюся аресту по подозрению в проституции»; шокированный увиденным, «отправился в участок хлопотать» за незнакомую⁴⁴. Падшая женщина является героиней двух Гаршинских произведений — *Происшествия* (1878) и *Надежды Николаевны* (1885). В обоих случаях несчастную проститутку пытается спасти молодой человек — чистый и самоотверженный. Подобно Гаршинским спасителям, у Васильева — Чеховского героя *Припадка* — встреча с «погибающими женщинами» вызывает сильное чувство жалости и сострадания, которые заставляют его немедленно решить вопрос проституции, спасти всех тех женщин, которых он видел в Variété. Единственным эффективным способом достижения такой благородной цели кажется ему апостольство: завтра он обратится к тем, которые покупают этих женщин, чтобы они почувствовали «всю безнравственность своей рабовладельческой роли и ужаснулись»⁴⁵. Не такой ли же проповедью являются произведения Гаршина — *Происшествие* и *Надежда Николаевна*? Ведь созданы они «той же душевной болью, которая так измучила Чеховского Васильева, наделенного тонким человеческим талантом»⁴⁶. О болезненной чувствительности своего героя

⁴⁰ А.П. Чехов, *Письмо А.С. Суворину*, от 11 ноября 1888 г., Москва // ПСС-ПЗ, с. 67.

⁴¹ А.П. Чехов, *Письмо А.Н. Плещееву*, от 13 ноября 1888 г., Москва // ПСС-ПЗ, с. 68.

⁴² Общение Гаршина с «плачущей душой» подытожил Николай Демчинский горькой констатацией: «Он, как это и свойственно всем больным людям, что называется, 'ковырял ногтем свои раны' и сам больше страдал, чем наша компаньонка, преисправно уничтожавшая какую-то котлетку марешу». Н.А. Демчинский, *Сладкие грезы // Современники о Гаршине...*, с. 134.

⁴³ Там же.

⁴⁴ А. Латынина, *Всеволод Гаршин...*, с. 191.

⁴⁵ А.П. Чехов, *Припадок // Памяти В.М. Гаршина...*, с. 313.

⁴⁶ А. Латынина, *Всеволод Гаршин...*, с. 191.

Чехов пишет: «Увидев слезы, он плачет; около больного он сам становится больным и стонет, [...] чужая боль раздражает его, возбуждает, приводит в состояние экстаза»⁴⁷. Напомним, что Гаршин с детства обладавший необычайной впечатлительностью, слезами реагировал на зло и несправедливость. Недоброжелательные называли Всеволода плаксой⁴⁸. В *Припадке* особо красноречив такой момент: когда Васильев слышит плачь проститутки ударенной по лицу, он начинает истерически рыдать. В гаршинской системе ценностей основу основ составлял запрет: никогда никого не бей, не унижай, не оскорбляй! Не существуют такие обстоятельства, которые могли бы оправдать физическое (и не только) насилие. Для Гаршина — это категорический императив.

Образ Васильева построен на основании сложной смеси черт прототипа самого Гаршина и его героев. Даже внешний вид Чеховского страдальца указывает на конкретный прототип: темные волосы и борода, бледное лицо, меланхолические глаза. Это лицо Всеволода Гаршина. В этом двойном портрете Васильева-Гаршина реальные чувства и способность к глубокой рефлексии переплетаются с клиническим уходом от действительности, эмоциональным неравновесием. Между правильными суждениями и нелепостями очень зыбкая граница. Сходств гораздо больше. Свою романтическую концепцию проституции почерпнул Васильев из книг. Три раза он вспоминает прочитанную когда-то историю молодого человека, наделенного чистотой чувств и склонного к самопожертвованию, который влюбился в проститутку. Женщина уверена в том, что она не достойна такой жертвы, и поэтому решает покончить жизнь самоубийством. Права Семанова, которая утверждает, что Васильев читал рассказ Всеволода Гаршина *Происшествие*⁴⁸.

Гаршинский стиль проявляется также в плане структуры *Припадка*, о чем свидетельствуют среди других внутренние диалоги, гиперболизация проституции как общественной проблемы. Определенную идейную роль играют также образы,

⁴⁷ А.П. Чехов, *Припадок...*, с. 313–314.

⁴⁸ См. разговор из воспоминаний двоюродной сестры Гаршина: «Скажи мне, пожалуйста, [...] что находят женщины в этом плаксе?» [...] — «На их языке это называется сложной натурой», — насмешливо ответил Хохлов». *Гаршин в Окуневых горах (Воспоминания его двоюродной сестры)*, пред. и публ. А.Н. Дубовикова, «Литературное наследство» 1977, т. 87, с. 247.

присутствующие в *Петербургском цикле* Гаршина, например, контраст чистого белого снега и грязи на Соболевой аллее. Что касается отличий, то они становятся заметны, если учесть количество описываемых Чеховым происшествий и героев, а прежде всего уход от романтизации портретов падших женщин. Если Гаршин последовательно поддерживал культ проститутки, относился к ней с честью и сочувствием, то Чехов лишал читателя иллюзий. В *Припадке* женщины не являются невинными, трагическими жертвами своей профессии, наоборот — они вульгарны, глупы и прозаичны.

История Васильева заканчивается типичным Гаршинским мотивом: жажда спасения павших женщин приводит героя к помешательству — он страдает галлюцинациями, размышляет о самоубийстве и в конце концов попадает к психиатру. Проблема проституции остается нерешенной, товарищи Васильева будут продолжать визиты в веселые переулки, «покупать за рубль живого человека»⁴⁹. Для Васильева они, как и все клиенты переулков, — это «душегубы», «рабовладельцы» и «мясники»:

Ваша медицина говорит, что каждая из этих женщин умирает преждевременно от чахотки или чего-нибудь другого; искусства говорят, что морально она умирает еще раньше [...]. Разве это не ужасно? [...] Гадко! Стыдно!⁵⁰.

В глазах страдающего Васильева все в ответе за этих «бедных, голодных женщин», а проституция — образ патологии общества. Это мрак, которого не хотят видеть одни и в котором беспомощно страдают другие. Чехов подчеркивает, что серьезные общественные проблемы касаются каждого человека. Если их не решать, не бороться с ними, то никто не может ручаться за то, что рано или поздно ему не грозит попасть в палату номер 6. Через четыре года после смерти Гаршина Чехов в очередной раз попытался решить Гаршинский вопрос о насилии над человеческой личностью, праве и несправедливости, смирении и борьбе за справедливость. Главный герой *Палаты № 6* (1892) Иван Громов наделен биографией и чертами характера автора *Красного цветка*: смерть брата и отца, незаконченная учеба в университете, страсть к чтению, вера в лучшее будущее, сострада-

⁴⁹ А. Чехов, *Припадок...*, с. 300.

⁵⁰ Там же, с. 316.

ние к беднякам. В возрасте тридцати трех лет Громов попадает в психиатрическую больницу (тридцатитрехлетний Гаршин покончил жизнь самоубийством). Симптомы его болезни похожи на признаки мании преследования сумасшедшего героя Гаршина: чрезвычайная подвижность, экстатическое напряжение, дрожащий голос, бред. Весьма показательно, что Громов, напоподобие Гаршина, боится «твердых кулаков» больничного сторожа — тупого служаки Никиты, который «больше всего на свете любит порядок и потому убежден, что *их* надо бить. Он бьет по лицу, по груди, по спине, по чем попало, и уверен, что без этого не было бы здесь порядка»⁵¹. Гаршин категорически отрицал физическое насилие.

В конце 80-х годов Чеховым овладел глубокий творческий кризис, вошедший в сильный резонанс с трагедией самоубийства Гаршина. Иван Бунин записал: «Среди видений, посещавших его, была темная, грязная лестница, в пролет которой бросился Гаршин»⁵². Однако Чехову удалось преодолеть призрак лестницы. В 1892 году Суворину он написал:

Вы и Григорович находите, что я умен. Да, я умен по крайней мере настолько, чтобы не скрывать от себя своей болезни и не лгать себе [...]. Я не брошусь, как Гаршин, в пролет лестницы, но и не стану обольщать себя надеждами на лучшее будущее. Не я виноват в своей болезни, и не мне лечить себя, ибо болезнь сия, надо полагать, имеет свои скрытые от нас хорошие цели и послана недаром...⁵³.

Гаршин тоже не был виноват в своей болезни и вылечить себя он тоже не смог. Он не лгал себе и не скрывал своего беса. Лишь с одним никогда не смирился: что болезнь «послана ему недаром». И если Чехова спас его ум, у Гаршина такой возможности не было.

Автор *Красного цветка* долго жил в памяти Чехова, о чем свидетельствуют сердечные письма к жене Гаршина Надежде Михайловне:

Многоуважаемая Надежда Михайловна, я торопился в Москву, куда звали меня мои домашние дела, и потому не успел побывать у Вас. Про-

⁵¹ А.П. Чехов, *Палата № 6* // ПСС-С8, с. 72.

⁵² И.А. Бунин, *О Чехов* // того же, *Собрание сочинений в 6-ти т.*, т. 6, Художественная литература, Москва 1988, с. 215.

⁵³ А.П. Чехов, *Письмо А.С. Суворину*, от 25 ноября 1892 г., Мелихово // ПСС-П5, с. 134.

ЧЕЛОВЕК «ГАРШИНСКОЙ ЗАКВАСКИ»...

стите ради создателя. Если в феврале я приеду в Петербург, то непременно побываю у Вас, хотя бы Вы жили за тысячу верст от Малой Итальянской [...]. Желаю Вам всего хорошего. Пусть Ваша счастливая звезда сияет всё ярче и ярче⁵⁴.

В 1891 году вдова организовала в память Гаршина лечебницу для хронически больных детей. По данному вопросу она обращалась за советом к Чехову⁵⁵.

25 января 2015 года в доме-музее Антона Чехова открылась выставка *Обреченный погибнуть*, посвященная 160-летию со дня рождения писателя Всеволода Гаршина. Неслучайно выставка ко дню рождения писателя проходила в Чеховском доме. Здесь автор знаменитого рассказа *Красный цветок* является полноправным гостем — одновременно как писатель, которого высоко ценил Антон Павлович, и как Чеховский герой «Гаршинской закваски».

Bożena Żejmo

CZŁOWIEK „GARSZYNOWSKIEGO TYPU” W TWÓRCZOŚCI ANTONA CZECHOWA

e

Streszczenie

W artykule podjęto próbę charakterystyki tzw. Garszynowskiego typu bohatera w czterech utworach Antona Czechowa (*Step*, *Czajka*, *Atak*, *Sala nr 6*). Dla podkreślenia swoistości tego typu postaci sięgnął Czechow zarówno do faktów biograficznych autora *Czerwonego kwiata* (pobyty w szpitalu psychiatrycznym, spotkanie z prostytutką), jak i jego fikcyjnych „szalonych apostołów”, podejmujących misję zbawiania świata. Na „Garszynowski typ” składają się takie cechy, jak chorobliwa wrażliwość, manie prześladowcze, poczucie wyjątkowości, współczucie dla biednych i poniżonych, miłosierdzie.

Bożena Żejmo

A MAN OF A “GARSHIN’S TYPE” IN ANTON CHEKHOV’S WORKS

Summary

The article describes the appearance of so-called “Garshin’s type” characters in four

⁵⁴ А.П. Чехов, *Письмо Н.М. Гаршиной*, от 10 января 1892 г., Москва // ПСС-П4, с. 342.

⁵⁵ См. А.П. Чехов, *Письмо Н.М. Гаршиной*, 27 декабря 1891 г. Петербург // ПСС-П4, с. 337; Н.А. Роскина, *Примечания* // ПСС-П4, с. 536.

stories by Anton Chekhov: Steppe, Lapwing, Attack, Room number 6. To depict the specific notion of this kind of character, Chekhov reached out to both biography of the author of *The Red Flower* (hospital treatment in mental institution, encounter with a prostitute) and to his fictional characters, especially “mad Apostles”, whose mission is to rescue the world. A “Garshin’s type” character constitutes of such characteristics as: morbid sensitivity, haunting manias, sense of uniqueness, mercy, and compassion for the poor and the humiliated.